

ХОРОШО ЖИТЬ В КУМАНСЕНУ

АБИОСЕ НИКОЛ

РАССКАЗ

Абиосе Никол известен советским читателям. Переводы его рассказов не раз появлялись в нашем журнале. Главная тема этого видного прозаика из Сьерра-Леоне — традиционное африканское общество в его столкновении с новыми явлениями жизни. Писатель нередко обращается в своем творчестве к фольклору, народной сказочной фантастике.

С ОДНОЙ стороны — море и мокрый песок, с другой — зеленый тропический лес. Небо накрыло африканскую деревушку Кумансену голубым колпаком с ясным, слепящим диском солнца посередине.

Похожие на шлемы крыши глиняных хижин сделаны из пальмовых листьев или — если хозяин дома удачлив в разведении какао, в торговле — покрыты рифленным цинком.

Вдова Бола помещивала кипящее в пальмовом масле мясо и ни о чем особенном не думала. Она ритмично двигала своими сильными беззубыми челюстями, пережевывая орехи кола¹, и вскоре, сама того не замечая, начала жевать в такт с прыжками Ази, ее внучки. Бола тупо глядела на Ази — семилетняя девочка ловко перебрасывала над головой скрученную из пальмовых листьев веревку и прыгала через нее, считая по-английски каждый раз, когда веревка ударялась о землю и поднимала фонтанчик красной пыли. Бола плохо понимала английский, но легко могла сосчитать на нем до двадцати — на базаре без этого не обойтись. «Шесть!» — выкрикнула Ази, а потом продолжала: «Девять, десять». Бола сказала ей, что после шести идет семь. «Уж мне-то это положено знать», — вздохнула она.

Сейчас она стара, ее тело иссохло, но когда-то она регулярно, раз в два года, рожала детей. Шесть раз у нее рождались мальчики, и шесть раз они умирали. У одних вздувались животы, и они умирали со слабыми жалобными криками. Другие в лихорадочном жару содрогались от внезапных конвульсий, закатывали глаза — и умирали. Все они умерли, точнее, думала Бола, он умер: она знала, что это был один и тот же

ребенок, чей дух постоянно пробирался в ее чрево, чтобы родиться и насмеяться над ней. На шестой раз Муса, деревенский колдун, которого времена превратили в добропорядочного мусульманина, посоветовал ей с мужем переломать кости мертвому ребенку. Но она ухватилась за тельце и не дала искалечить его. Тайком она пометила левое бедро младенца остроконечной палочкой, прежде чем его завернули в циновку и унесли.

Когда она в седьмой раз родила сына и над ним был произведен обряд очищения, она исподтишка повернула его, чтобы взглянуть на левое бедро. Шрам был на месте. Бола показала его старухе-акушерке и заставила себя поверить, что это была случайная царапина от трав, которыми обтирали ребенка после рождения. Но этот ребенок остался жить. Меджи — так называли его. Сейчас ему исполнилось тридцать лет; он был мелким государственным служащим в городе, в 90 милях от деревни. Ази, его дочка, оставалась у Болы: старухе нужен был ребенок, которого можно было бы посылать с поручениями к соседям или за кружкой воды из глиняного кувшина в кухню, класть ночью рядом с собой, ласкать.

Бола бросила в кипящий горшок с красным мясом вымытые и выжатые листья маниоки, присыпав их щепоткой соли, а потом, осторожно переступив через порог, прошла в дом за сушеным красным перцем. Она нашла его, но вдруг выронила пакетик и, слабо вскрикнув, отшатнулась к стене.

Человек отвернулся от окна и посмотрел на нее с ласковой и печальной усмешкой. Одетый в белую рубашку с короткими рукавами и растегнутым воротничком, в серые габардиновые брюки, с золотыми часами на руке и в коричневых замшевых туфлях, он был похож на симпатичного чиновника с рекламной картинки африканского журнала, на чиновника, который непременно сделает карьеру, поскольку правильно питается и регулярно принимает рекламируемое слабительное. Кожа у него была тускло-коричневая. Вокруг шеи повязан большой красный платок.

— Господи, Меджи! — воскликнула Бола. — Ну и напугал же ты меня! У меня теперь слабое сердце, я не выношу неожиданностей. Когда ты приехал? На чем добирался — на грузовике, на рыбацкой лодке? И как ты попал в дом? Вход-

¹ Кола — тропическое дерево, семена (так называемые орехи кола) которого применяются как тонизирующее средство.

ная дверь была закрыта — сейчас вокруг столько воров! Я так рада видеть тебя, так рада! — плача повторяла она, припав к его груди.

Ласково глядя ее по спине, Меджи ответил хриплым голосом:

— Я тоже рад тебя видеть, мама.

С криком: «Папа, папа!» — вбежала Ази. Меджи приподнял ее и крепко обнял.

— Ну, раз ты здесь, мы устроим праздник, настоящий праздник. Нужно сейчас же дать знать всем соседям. Ази, беги сию же минуту к господину Аддан, учителю катехизиса, и скажи ему, что приехал твой папа. Потом попроси тетю Гбера, чтобы она одолжила нам продуктов, и сбегай к дяде Баболе за барабанщиками и музыкантами...

— Погоди, — остановил дочку Меджи, — ничего этого не нужно. Я никого не хочу видеть, ни единой живой души. Я хочу спокойно и по-настоящему отдохнуть. Никому не нужно знать, что я здесь.

Бола сильно приуныла. Она так гордилась сыном, так хотела похвастаться им! Жители деревни ей не простят, что она держала в тайне приезд столь важного гостя. Меджи, видимо, почувствовал это — он положил руку на плечо матери и ласково сказал:

— Скоро все всё узнают. Давайте на этот раз побудем втроем. Ведь жизнь так коротка...

Бола повернулась к Ази, подняла оброненный пакетик с перцем и послала девочку на улицу поперчить варево в горшке. Когда Ази вышла, Бола обратилась к сыну:

— У тебя неприятности? Что-нибудь с полицией?

Он покачал головой.

— Нет, — сказал он, — просто я люблю возвращаться сюда, к тебе. Я не хочу ни с кем делить то, что нас с тобой связывает. Это касается только нас, потому-то я и оставил у тебя свою дочь. Девочки обычно дольше остаются в семье, — без видимой связи с предыдущим добавил он.

— Мне ли этого не знать! — сказала Бола. — Но ты бледен, — продолжала она, — и все время кашляешь. Ты не болен? — Она приложила руку ко лбу сына. — Ой, какой холодный!

— Это из-за холодного ветра, — оборвал ее Меджи. — Ну а теперь я хочу отдохнуть. Открой, пожалуйста, мою комнату и вытри там пыль. Я сегодня устал. Очень устал. Путь был длинный и нелегкий.

Меджи проспал весь день до вечера. Мать принесла ему в комнату поесть, а позже забрала пустые корзинки. Затем он вновь заснул до утра.

Следующий день, суббота, был базарный, и Бола ушла с утра. Меджи, взяв с собой Ази, отправился по безлюдной тропинке в горы на прогулку. Девочка была в восторге. Они забрались так высоко, что могли видеть деревушку у себя под ногами и море вдаль; по морю плыли лодки с широкими белыми парусами. Вскоре солнце прошло зенит и стало опускаться на запад. Ази съела все, что они захватили с собой: рыбу, блины из маниоки, апельсины, — папа сказал, что он не голоден. Ази чудесно провела этот день, болтая, закусывая и играя отцовской авторучкой и другими вещами из его карманов. Потом они отправились домой — Меджи нес ее по крутому спуску среди валунов, а она держалась за его плечи, потому что он сказал, что шея у него болит и ее не нужно трогать. Ази спросила:

— Папа, а почему твои часы остановились на двенадцати?

— Потому что в полдень — конец света.

Ази хихикнула, услышав это.

— А почему, папа, у тебя повязан шарф вокруг шеи?

— Так иначе у меня отвалится голова!

Над этим ответом Ази долго смеялась. Вскоре она уснула у отца на руках.

Перед самым наступлением ночи Бола оделась в лучший свой наряд, и по ее настоянию все трое пошли на могилу отца Меджи. Они выбрали тайную дорогу в обход деревни. Кладбище было небольшое — оно было основано всего лет двадцать назад, когда департамент здравоохранения запретил хоронить покойников во дворах их домов. Бола взяла с собой бутылку вина и четыре половинки колы, каждая из которых представляла собой полусферу: две были красные, две — белые.

Они подошли к могиле, и Бола налила в стакан немного вина. Затем она мягко и ласково заговорила со своим покойным мужем. Она привела с собой сына — пусть отец посмотрит на него. Бог ниспослал сыну удачу, назло и вопреки всем врагам! Вот он, не бедный крестьянин, не рыбак и не простой рабочий, а чиновник, имеющий право на пенсию. Когда они были женаты, злые языки говорили, что она ведьма, потому что ее дети умирали совсем маленькими. Но этот их мальчик доказал, что она хорошая женщина. Пусть теперь муж ей ответит, пусть покажет, что он ее слышал. Она подобрала в воздух четыре ореха колы, и они упали на могилу. Три из них упали плоской, лицевой стороной вверх, а один — лицом вниз. Она снова собирала их, еще раз говорила с мужем и опять подбрасывала орехи. Но одна или две половинки по-прежнему падали не так, как другие.

Если бы все четыре ореха легли лицом вверх или лицом вниз, это бы значило, что покойник услышал ее и остался доволен. Бола упрашивала, лестила, угрожала — но все было напрасно. Тогда она попросила Меджи попробовать. Он припал к могильной насыпи и что-то прошептал. Затем подбросил орехи. Упав, они еще некоторое время катились по земле, и Бола нетерпеливо следила за ними острым старческим взором. Все четыре половинки легли лицом вниз. Меджи вылил на могилу вино из стакана и сказал, что никогда в жизни не чувствовал себя ближе к отцу, чем в этот момент.

Солнце село, и в спустившихся на землю коротких тропических сумерках они вернулись домой. В этот вечер, выйдя из дому и подойдя снаружи к окну сына, Бола, к ужасному своему огорчению, обнаружила, что он выбрасывал за окно всю приготовленную для него еду. Она ни словом не обмолвилась об этом, когда зашла к сыну пожелать спокойной ночи. Втянув воздух, она почувствовала, что в комнате стоит запах разложения. Меджи ответил, что, должно быть, где-то между досками валяетсядохлая крыса, и он найдет ее выкинет, когда мать ляжет спать.

Ночью шел сильный ливень. То и дело вспыхивали огромные, во все небо молнии, и на несколько мгновений становилось светло, как днем. В промежутках между разрядами вновь воцарялась темнота и лил дождь. Бола проснулась вскоре после полуночи — ей послышался стук в дверь. Она прошла в комнату Меджи, чтобы по-

просить его открыть, но его там не было. Бола решила, что он ненадолго вышел и нечаянно захлопнул за собой дверь. Держа в руках керосиновую лампу, она поспешно отперла замок. Меджи стоял на веранде, почему-то совершенно не промокший, и не захотел войти.

— Мне нужно уходить, — кашляя, хрипло сказал он.

— Да войди же ты! — воскликнула она.

— Нет, — ответил он, — мне надо уходить, но я хотел сказать тебе спасибо — ведь благодаря тебе мне представился случай...

— Что за чепуха? Войди же, не стой под дождем.

— Мне кажется, мне не следовало уходить, не поблагодарив тебя.

Дождь тяжело ударялся о землю. Свистел ветер. Раскачивалась и скрипела открытая дверь.

— Жить хорошо, мамочка. Прощай. Спасибо тебе.

Он повернулся и побежал.

Внезапно, без раската грома, вспыхнула молния и осветила пустой двор. Тяжело ступая, Бола побрела в дом и погрузилась в беспокойный сон. Но перед тем как заснуть, она решила на следующее утро или лучше в понедельник повидать господина Аддаи и обо всем ему рассказать на тот случай, если Меджи действительно впутан в какую-то неприятную историю. Она надеялась, что Меджи не рассердится на нее за это. Ведь он такой хороший сын!..

Но получилось иначе. В воскресенье днем к ней, молчаливый и печальный, пришел сам господин Аддаи. Бола в это время, сидя на старом стуле на веранде, заплетала внучке волосы в тонкие тугие косички.

Господин Аддаи уселся и, не глядя на нее, произнес:

— Господь дал, господь и взял.

Вскоре вокруг веранды собралась и расселась добрая половина деревни.

— Я говорю вам, в пятницу он был здесь, а ушел в воскресенье утром, — повторяла Бола. — Как же он мог умереть в пятницу?

Бола только-только пришла в себя: она упала в обморок, услышав, что в городе умер ее сын. С этой вестью приехала жена Меджи, мать Ази, захватив с собой кое-какие вещи покойного мужа. Меджи, по ее словам, скорострительно скончался в пятницу днем, а в субботу под вечер его похоронили. Его привезли бы похоронить в Кумансену — так всегда хотел он сам. Но сделать этого не смогли — в жаркий сезон тело не продержится больше одного дня, а нанять грузовик не удалось.

— Он был здесь, он был здесь, — твердила Бола, прижимая руку ко лбу и плача.

Ази тихо сидела рядом. Аддаи сказал успокоительно:

— Ну что ты, как он он мог быть здесь, ведь никто в деревне его не видел?!

— Он не велел никому рассказывать, — сказала Бола.

Люди с усмешкой переглянулись поверх головы Бола.

— Бедная женщина, — сказал кто-то, — горе свело ее с ума.

— Он умер в пятницу, — плача повторила жена Меджи. — Он был у себя в конторе, и поднял скользящую оконную раму, чтобы выглянуть и позвать посыльного. И тут тяжелая рама сорвалась и, падая, сломала ему шею. Острым

краем его голову почти отрезало от тела. Говорят, что он тут же умер.

— У папы был шарф вокруг шеи! — закричала вдруг Ази.

— Молчи! — слышались голоса.

Чтобы успокоить девочку, мать вытащила из пазухи маленький золотой медальон и повесила его Ази на шею.

— Твой папа заказал его и получил на прошлой неделе у мастера. Он хотел подарить его тебе к рождеству. Но теперь ты можешь сразу взять его.

Ази стала играть медальоном, вертя его в руках.

— Осторожно, детка, не сломай, — сказал господин Аддаи. — Это последний подарок твоего отца.

— Я хочу вспомнить, как он открывается, папа мне вчера показывал, — ответила Ази.

— Ты и в глаза не видала раньше этот медальон, — резко оборвала ее мать, которую от ужаса и гнева пробрала дрожь. Она взяла медальон и попыталась его открыть.

— Дайте-ка мне... — Деревенский мастер золотых дел попробовал открыть медальон, шепча магические слова заклинаний. Убедившись в своей неудаче, он сказал: — Должно быть, это золото низкой пробы, оно проржавело. Придется применить инструменты.

— А я уже вспомнила! — по-детски самодовольно объявила Ази.

Вокруг нее вмиг столпились люди. Мягкое красное африканское золото медальона ярко поблескивало в лучах заходящего солнца. Золотых дел мастер передал медальон Ази и спросил громким шепотом:

— Ну так как же он открывал его?

— А вот так, — проговорила Ази, нажимая на тайную защелку. Крышка отскочила, и девочка внятно прочла надпись внутри: — А-З-И.

Все молчали.

— Бедный мой мальчик! — выкрикнула в испуге Бола. — Его шея! Так вот почему он не мог кушать все те вкусные блюда, что я для него готовила!

Господин Аддаи объявил, что после вечерни состоится поминальная молитва. Толпа начала понемногу разбредаться.

Муса-колдун долго не уходил. Он был уже очень стар и сгорблен. Все знали, что даже господин Аддаи не мешал жителям деревни в тяжелые времена обращаться к Мусе за советом.

Еще больше согнувшись, Муса прошептал на ухо Боле:

— Нужно было переломать ему кости и изувечить его еще тридцать один год назад, когда он появился в шестой раз. Тогда бы он не вернулся и не насмехался бы над тобой все эти годы, делая вид, что он жив. Я тебя предупреждал. Но ведь вы, женщины, так непослушны и упрямы...

Бола выпрямилась, высоко держа голову. Глаза на ее черном лице были страшны, сверкая материнской яростью и гордостью.

— И я рада, что не сделала этого, — сказала она, — потому-то он и вернулся, чтобы поблагодарить меня перед тем, как уйти навсегда.

Она прижала к себе Ази.

— Я рада, что дала ему возможность вернуться. Я знаю, тебе меня не понять, Муса. В конце концов ты только мужчина.

Перевел с английского
Е. Хелимский